

вели! Борьба за существованіе—вотъ вашъ девизъ... Куда же какому-нибудь дураку Щепоткину за вами тягаться?

Діодоръ подошелъ къ Володѣ и остановился передъ нимъ.

— Но смотрите, ужъ не зѣвайте и вы! Не забывайте, что звѣрь, насчетъ котораго вы будете наслаждаться всѣми благами земными,—звѣрь слѣпой и кровожадный, когда его затронуть. Плохо вамъ будетъ, если встряхнетъ своими цѣпями и взбунтуется...

— Спасибо за совѣтъ!—иронически поблагодарилъ его Володя.—Но позвольте узнать, кто же этотъ звѣрь? Не вы ли?

— То-есть, я и мнѣ подобные? О, нѣтъ! Мы не годимся для борьбы, потому что слишкомъ чувствуемъ человѣческія страданія. Нѣтъ! Нѣтъ, мы просто, какъ выразился одинъ мой, такой же безпріютный, какъ я, пріятель,—мы *вагабоны*...

— Празднопатающіеся!—язвительно подхватилъ Володя.

— Да, вагабоны!—повторилъ Діодоръ съ горечью и опять заходилъ по комнатѣ.—Въ своемъ скитаніи по землѣ мы изойдемъ неслышно слезами, а когда ужъ очень невтерпѣжъ станетъ, пойдемъ на улицу и погибнемъ „за идею“, которая, можетъ быть, не осуществится никогда. Бываетъ въ жизни человѣчества такое время, которое требуетъ жертвъ... „козловъ отпущенія“... Вотъ мы такіе же козлы. Да, хорошо, конечно, погибнуть для процвѣтанія человѣчества, но все-таки тамъ въ душѣ чтъ-то живое ропщетъ и жалуется... Погибнуть, когда все живетъ... А если тебя ждетъ „non-existence“—больше ничего? А если отъ твоей гибели никто не будетъ счастливѣе, и еще проклянуть тебя за то, что ты „много возлюбилъ“? Отказаться отъ всего, и исчезнуть—и non-existence! Горько и страшно.

Тутъ голосъ Діодора оборвался, онъ повернулся и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Однако, какъ это скучно!—произнесъ Володя, вставая и потягиваясь.—Эдакіе фразеры! Рудиныхъ изъ себя корчатъ. Ну, погибать, такъ и погибалъ бы,—нѣтъ! Надо прежде всему міру оповѣстить: смотрите, молъ, братцы, за васъ погибаю... Да еще и смерть-то выбрать какую покрасивѣе, со знаменами, съ музыкой, съ барабаннымъ боемъ. А кому, спрашивается, нужна эта гибель? Впрочемъ,—chaque fou a sa marotte! Мамаша, собирайте ужинать! спать пора...

— Подлецъ!—пронесся вдругъ изъ темной, пахучей глубины палисадника чей-то рыдающій шопотъ.

Это обстоятельство, повидимому, нисколько не смутило Володю. Онъ засмѣялся, но сію же минуту лицо его сдѣлалось серьезнымъ, и онъ подумалъ: „Эта исторія начинается надобдѣть!